

Несколько человек рассредоточились у стеллажей в поисках улики.

Первым зацепку обнаружил Юй Цюся. Это была новостная заметка за 976 год. Жертвой оказалась маленькая девочка по имени Мянъли — её утопили в реке. На теле обнаружили многочисленные синяки и кровоподтёки, однако следов сексуализированного насилия эксперты не нашли.

В ориентировке вкратце описывались преступления убийцы, и эти сведения полностью совпадали с газетной статьёй. Выходило, что Мянъли стала его первой жертвой.

Репортёры, как обычно, погнались за дешёвой сенсацией, выкатив лишь самые вопиющие подробности, а детали опустили. В самом конце заметки лаконично сообщалось: «На данный момент личность преступника не установлена».

Фан Сынун стоял плечом к плечу с Юй Цюся и читал статью вместе с ним.

— Значит, по горячим следам его взять не удалось, — подытожил он.

Вернув подшивку на полку, Фан Сынун принялся перебирать другие старые бумаги:

— Ищем дальше.

Он просмотрел прессу за несколько месяцев, следовавших за убийством. Дело было из рук вон скверным, полиция вела активное расследование, и газетчики долго не выпускали его из виду — даже полгода спустя в печати проскальзывали редкие публикации.

— Так и не поймали, — констатировал Фан Сынун.

— Да, — согласился Юй Цюся. — Похоже, его взяли позже и совсем за другое, а в этих убийствах он признался уже за решёткой.

Чуть поодаль Пу Тяньбай и Хуа Тяньсяо наткнулись на целую россыпь криминальных хроник за те же годы: убийства, поджоги, изнасилования, разбои, кражи... Местный архив буквально ломился от отчётов о бесчинствах. Становилось ясно, насколько криминогенной была здешняя обстановка — настоящий вертеп, где закон не писан вообще никому.

Пу Тяньбаю этот Богом забытый город всё больше казался живой метафорой порока, вызывая стойкие ассоциации с «Визитом старой дамы» Дюрренматта.

Внезапно Хуа Тяньсяо негромко пробормотал себе под нос:

— Но если он убил столько людей и в итоге попался, почему его не казнили?

В архиве стояла мёртвая тишина, поэтому его тихий бормот слышали все.

— Может, в каких-то странах Европы нет смертной казни? — предположил Пу Тяньбай.

— Нет, в этом мире она есть, — тут же отрезал Фан Сыун. Он вспомнил, что мельком видел какую-то заметку, но теперь, когда захотел найти её снова, растерялся и не знал, с какого стеллажа начать.

Юй Цюся, не оборачиваясь, подсказал:

— Номер от семнадцатого марта 978 года. Нижний правый угол в отделе хроники.

Фан Сыун послушно отыскал нужный выпуск и действительно наткнулся на небольшую заметку. На чёрно-белом снимке, сделанном снизу вверх, высилась виселица, к которой вели смертельно бледного человека. Заголовок гласил: «Злодей казнён при стечении тысяч горожан».

Текст оказался предельно ясным и конкретным: серийный маньяк, отслеживавший маленьких девочек, наконец пойман и вздёрнут под ликование всей округи.

— Как минимум, высшая мера наказания в этом мире существует, — заключил Фан Сыун.

— Тогда почему наш убийца остался жив? — недоумевал Пу Тяньбай.

— На то была причина, — бросил Юй Цюся. Он стоял уже в пяти шагах от них, перелистывая очередную подшивку с таким невозмутимым видом, словно и не он только что наизусть выдал дату и страницу старой газеты. — Не теряйте времени, ищите дальше.

Они продолжили копаться в пыльном полумраке архива. Даже сузив поиски до конкретных лет, они тонули в колоссальном массиве ежедневных новостей. Без чёткого ориентира они впустую тратили драгоценные минуты, не находя ничего по-настоящему существенного.

В конце концов Пу Тяньбай уставился в текст невидящим взором от усталости и просто уселся на пол, скрестив ноги. Поскольку фонарь у них с Хуа Тяньсяо был один на двоих, последнему тоже пришлось опуститься рядом. Пу Тяньбай удивился: зная брезгливость своего спутника, он никак не ожидал, что тот согласится сидеть на грязном полу, который не подметался бог весть сколько лет. Честно говоря, Пу Тяньбай сам увлёкся чтением и присел на автомате, а когда опомнился, уже пожалел, но Хуа Тяньсяо, на удивление, устроился рядом без единой жалобы.

Пу Тяньбай скосил глаза на напарника. Тот держал фонарь в руках, и резкий свет падал снизу

вверх — при таком ракурсе даже записной красавец показался бы чудовищем. Однако то, что он увидел, заставило его кровь заледенеть в жилах.

Лицо Хуа Тяньсяо находилось непозволительно близко. Пу Тяньбай отчётливо уловил шлейф его дорогого парфюма. Прожектор мертвенным сиянием очертил ноздри и нижние веки спутника; его зрачки казались бездонными, угольно-чёрными провалами, способными поглотить целиком. В эту секунду Пу Тяньбай без всяких преувеличений оцепенел от ужаса.

Мгновение спустя Хуа Тяньсяо резко отвёл фонарь в сторону. Луч сместился, и оба лица снова поглотила тьма.

— Блядь, напугал до смерти! Что за замогильная подсветка? — завозмутился Хуа Тяньсяо. — Ты больной, что ли?

Только тогда Пу Тяньбай смог перевести дыхание. Спина под курткой была насквозь мокрой от холодного пота.

Тем временем Фан Сынун и Юй Цюся обходились без делёжки: у одного был мощный фонарь, у другого — подсветка от телефона. Они разошлись на несколько шагов и молча перебирали архивы.

Когда отведённое на вылазку время почти истекло, Фан Сынун негромко позвал:

— Посмотри на это.

Юй Цюся подошёл ближе. Заметка, на которую указывал напарник, красовалась даже не в криминальной хронике, а в колонке городских слухов и курьёзов. Она занимала крошечный пятачок в углу страницы. Обычно там печатали глупые байки и небылицы, откровенно оскорбляющие интеллект читателя.

Однако Юй Цюся нахмурился.

— Мужские роды? — прочитал он вслух.

В статье взахлёб описывался фантастический случай, когда мужчина произвёл на свет дитя. Автор приводил детальные описания и ссылался на показания неких очевидцев, хотя никаких реальных доказательств не предоставлял.

В обычном мире это сочли бы дешёвой газетной уткой, но здесь, в совокупности со всеми прошлыми зацепками, подобная глупость заслуживала самого пристального внимания.

Пу Тяньбай и Хуа Тяньсяо тоже поспешили присоединиться к чтению.

Пу Тяньбай безоговорочно верил Фан Сыну и ни на секунду не усомнился в том, что тот заметил изменения в фигуре Ху Бая. Он немедленно погрузился в размышления.

«Неужели тот самый роженик — это Ху Бай? Или в этом месте полно мужчин, способных забеременеть? Может, тогда родил кто-то другой, а Ху Бай — лишь следующий по очереди? Что это вообще за чертовщина? Здесь мужчины подхватывают какую-то заразу и вынашивают детей?»

В этот момент дверь архива со скрипом распахнулась. В проёме показалась недовольная, унылая физиономия зрителя.

— Живее, живее, проваливайте! Мне пора закрываться, — процедил он с крайним нетерпением.

Спорить с неигровым персонажем никто не решился. Они наспех сложили газеты на место и гуськом покинули помещение.

Старик поджидал их у выхода, нетерпеливо притопывая ногой. Стоило им перешагнуть порог архива, как за их спинами с грохотом опустились железные жалюзи. Зритель явно не желал задерживаться здесь ни секундой дольше.

Оказавшись на улице, они замерли под лучами багрово-оранжевого заката. Время пролетело незаметно — они провели в пыльном хранилище целый день.

Фан Сыну посматривал на экран телефона и держал ситуацию под контролем. Он планировал выдвинуться обратно не позже половины седьмого, но зритель выставил их ещё до шести.

До ужина, который подавали ровно в семь, оставалось полно времени.

— Пойдём не спеша, — предложил Юй Цюся, оглядевшись. — Заодно осмотрим окрестности.

Возражений не последовало.

Дорога от архива к тунцилоу вела либо в гору по окраине, либо круглым путём через городские кварталы. Юй Цюся свернул на перекрёстке вглубь жилых секторов. Миновав узкий проулок, увешанный сохнувшим бельём, они вышли на улицу пошире.

Фан Сыну то и дело сверялся с картой в телефоне, боясь опоздать к ужину из-за неверного поворота. Заметив, что на очередной развилке Юй Цюся уверенно свернул в противоположную сторону, он предостерёг:

— Мы сбились с пути.

— Всё верно, — отозвался Юй Цюся без тени сомнения. — Я хочу заглянуть в похоронное бюро.

Фан Сынун опустил взгляд на экран: действительно, чуть дальше по этой улочке значилась похоронная лавка.

Он посмотрел на удаляющуюся спину Юй Цюся. Похоже, тот утром нашёл архив вовсе не благодаря врождённому чувству направления — он просто зазубрил всю карту города назубок.

Впрочем, у лавки Юй Цюся не предпринял ничего особенного. Он лишь задержался у входа, заглядывая внутрь сквозь тусклое стекло. Когда хозяйка приветливо помахала ему, приглашая войти, он вежливо отказался и увёл спутников дальше, вверх по склону.

Сделав небольшой крюк, ровно в без четверти семь они подошли к тунцилоу.

По пути они миновали лавку садового инвентаря и мясную лавку. Помня вчерашние предупреждения Яо Ван, Фан Сынун поймал себя на мысли, что владельцы этих заведений действительно выглядят весьма подозрительно.

Железные ворота тунцилоу по-прежнему были заперты на засов. Возле них уже топтались остальные: троица в составе Юань Гуаньцзюнь, Лу Шэна и Цзин Шипина, а также Чу Шэньнань с Цинь Фэй. Кто-то сидел на корточках, кто-то стоял — все они вполголоса что-то обсуждали.

Юй Цюся со своими спутниками присоединился к группе. Поскольку собрались ещё не все, разговор шёл вяло: обменивались лишь общими догадками, не вдаваясь в анализ улик.

В шесть пятьдесят засов с той стороны заскрежетал, тяжёлая дверь отворилась, и выжившие потянулись в столовую, стараясь не привлекать лишнего внимания.

Спустя пару минут в дверях показались Яо Ван и Чжань Чэнсяо. По их оживлённым лицам сразу стало ясно: они вернулись не с пустыми руками.

Не успев даже опуститься на стулья, Яо Ван выпалила:

— Мы встретили Пророка!

Глаза её лихорадочно блестели, на щеках горел нездоровый румянец — она выглядела так, словно приняла стимуляторы.

— Моё чутьё подсказывает, что он — ключевая фигура. У него точно есть решающая зацепка!

Стоявший рядом Чжань Чэнсяо с досадой покачал головой:

— Жаль, мы наткнулись на него уже перед самым возвращением. Время поджимало, и расспросить его как следует мы попросту не успели.

— И совсем ничего не удалось узнать? — спросила Юань Гуаньцзюнь.

— Кое-что есть! — возразила Яо Ван. — Он указывал прямо на наш тунцилоу и без конца твердил одну и ту же фразу.

— Какую? — подался вперёд Цзин Шипин.

Яо Ван вдруг замаялась, подбирая слова.

Чжань Чэнсяо со вздохом пояснил:

— Мы не смогли разобрать речь до конца...

Лу Шэн раздражённо сплюнул сквозь зубы:

— Нахрена тогда вообще было рот открывать?

Чжань Чэнсяо попытался воспроизвести услышанные звуки, но вышло невнятно. Понимая, насколько глупо это звучит, он понурил плечи:

— Боюсь ввести вас в заблуждение. Мне слышалось что-то вроде «ореховый»...

— Ореховый? — удивился Чу Шэньнань.

— А может, «греховный» или «происходящее»... — удручённо покачал головой Чжань Чэнсяо.
— Я правда не уверен.

— Мне кажется, это не то, — вмешалась Яо Ван. — Сама не знаю, что там должно быть, но звучит как-то сомнительно... Одно ясно: он очень хотел нас о чём-то предупредить.

В этот момент часы пробили семь. Дверь, ведущая на кухню, распахнулась, и в столовую вошёл Ху Бай с двумя подносами в руках.

Присутствующие молча ждали, пока он расставит тарелки. Никто не проронил ни слова. Ху Бай сделал три захода, заставляя столы нехитрыми яствами, тихо бросил дежурное «приятного аппетита» и скрылся за дверью, ведущей во внутренний двор.

Фан Сынун повернул голову и встретился взглядом с Юй Цюся. Им обоим не требовалось слов, чтобы подтвердить догадку: живот Ху Бая заметно округлился.

И это зрелище внушало неподдельный ужас.

<http://bllate.org/book/20607/2131297>